

ДИАЛЕКТИКА МИФА КАК МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ АКАДЕМИКОМ А.Н. ВЕСЕЛОВСКИМ ЭВОЛЮЦИИ И ГЕНЕЗИСА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФОРМ

Т.В. Говенько

В статье анализируются методологические взгляды на миф выдающегося русского ученого А.Н. Веселовского (1838–1906). Мифологическая проблематика стала для Веселовского одной из центральных еще в молодые годы, когда он работал над дипломной работой, и оставалась таковой навсегда, о чем свидетельствуют его исследования как теоретического, так и сравнительно-исторического характера о международном фольклоре, средневековой словесности и литературе поздних веков. Отказавшись следовать канонам «мифологической школы», ученый поставил перед собой задачу разработать новый метод научного анализа, который позволит изучать эволюцию и генезис художественных форм как с формальной, так и с идейно-содержательной точек зрения. В этой статье мы ставим перед собой задачу собрать в единое целое суждения Веселовского о мифе, оценить их теоретический потенциал и доказать, что диалектика мифа и есть тот самый метод, благодаря которому он создал уникальную верификационную систему объяснения исторических изменений такого феномена как поэзия. Для раскрытия этой темы наиболее важными для нас являются: дипломная работа ученого (1857), статьи-рецензии «Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса» (1868), «Сравнительная мифология и ее метод» (1873), теоретические статьи «Из введения в историческую поэтику. Вопросы и ответы» (1894), «Из истории эпитета» (1895), «Психологический параллелизм и его формы в отражении поэтического стиля» (1898), «Синкретизм древнейшей поэзии и начала дифференциации поэтических родов» (1899), в том числе неопубликованные при жизни Веселовского труды: «Поэтика сюжетов» (1913), «Определение поэзии» (1959) и другие.

Ключевые слова: А.Н. Веселовский, миф, фольклор, символ, мотив, сюжет, мифопоэтика.

В научном наследии академика А.Н. Веселовского нет работ, посвященных непосредственно теории мифа, однако это не дает нам повода считать, что его взгляды «к тому времени еще не совсем сложились» [1, 289], что он «недооценивает роль мифа» [2, 7] и в его концепции исторической поэтики «для мифологии не нашлось места» [3, 55]. По справедливому замечанию современного исследователя М.В. Пашенко: «Будь Веселовский своевременно воспринят и усвоен, были бы невозможны все кризисные явления филологии, методологически выверенно лишаящие изучаемый материал всякой защиты от жизненно опасной для него исследовательской агрессии» [4, 5]. В сложившейся ситуации самым удручаю-

щим фактом является то, что в этой кампании принимали участие зачастую ведущие ученые, поспешно обвинившие академическое литературоведение конца XIX – начала XX в. в его деградации [2; 5, 16; 6, 20; 7, 178].

Еще современники Веселовского отмечали сложность восприятия его трудов. «Схватывались отдельные мысли, улавливались разрозненные выводы, но целая ученая концепция была неуловима» [8, 13], – писал В.М. Истрин (1865–1937) в статье «Методологическое значение работ А.Н. Веселовского» (1921). Такая манера письма характерна для интегрально мыслящих людей, и Веселовский был одним из них. Каждая из его работ представлялась им частью огромного целого, и чтобы уви-

деть, как складывался весь этот пазл, нужна особая практика анализа текста. Точнее, все работы ученого разных лет нужно собрать вместе и внимательно их прочитать.

Первая масштабная работа Веселовского о мифе – это его дипломная работа «De lupi et canis in mythologia graeca et romana partibus» («Волки и собаки в греческой и римской мифологии»), обнаруженная нами в его личном архиве [9]. Будучи студентом Императорского Московского университета, он писал ее на кафедре римской словесности и древностей под руководством профессора П.М. Леонтьева (1822–1874) и защитил в 1858 г., получив золотую медаль. Небольшой фрагмент этой работы, буквально три абзаца, был опубликован в 1979 г. К.И. Ровдой в «Русском фольклоре» [10, 189–190]. Ее основные положения недавно были представлены нами в статье «Александр Веселовский о мифе: концептуально-методологические аспекты дипломной работы ученого (на материалах из личного архива ученого)» [11, 71–77].

Будучи хорошо знаком с теориями мифа Я. Гримма (1785–1863), А. Куна (1812–1881), М. Мюллера (1823–1900), Х. Штейнталя (1823–1899), А.Н. Афанасьева (1826–1871), Ф.И. Буслаева (1818–1898) и других ученых, Веселовский уже в этом юном возрасте имел смелость бросить вызов «мифологической школе» и построить свое исследование не по принципу толкования «солнечных», «облачных», «звездных», «грозовых» и «туманных» мифов, а руководствуясь результатами культурно-исторического и сравнительно-типологического анализа имеющихся у него источников.

Поставив перед собой задачу изучить эволюцию символа волка начиная от культа Аполлона и вплоть до современных суеверий разных народов, Веселовский в своих концептуальных построениях руководствовался принципами позитивной философии. За основу он принял гипотезу немецкого филолога-классика Г.Ф. Крейцера (1771–1858), предположившего в сочинении «Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen» («Символы и мифология древних народов, в особенно-

сти греческих») (1810–1812), что пока содержание мифа идентично гносеологическим потребностям общества – он выполняет мистическую функцию, но как только люди перестают в него верить – мифологический «символ переходит в разряд художественного образа, теряет свою трансцендентность и становится пластическим» [12, 987]. Аргументацию этого тезиса Веселовский постарался усилить с помощью разработанной Ф. Шеллингом (1775–1854) в его позднем трактате «Die Philosophie der Mythologie und der Offenbarung» («Философия мифологии и откровения») (1856) исторической периодизацией мифологии. Руководствуясь идеей прагматичного анализа мифа, представленного Л.А. Фейербахом (1804–1872) в его сочинении «Das Wesen der Religion» («Сущность религии») (1845), Веселовский в ходе своего собственного исследования пришел к следующим выводам: 1) миф – это исходная модель познания и освоения человеком мира и себя; 2) миф эволюционирует по причине эволюции самого сознания; 3) у мифа есть форма и содержание, которые могут быть изучены сравнительно; 4) миф отвечает эстетическим и аксиологическим потребностям общества, в котором он зарождается и бытует; 5) мифологический стиль мышления символичен по своей природе; 6) «символ и антропоморфический образ божества, которому придан этот символ – ничто иное как *различные аватары одной и той же сущности*. Отсюда тесная взаимосвязь между ними, возможность одной замениться другой, значение одного прозревать в деятельности другого» [9, 8].

Изучать символическую природу мифа Веселовский продолжил и далее, развиваясь в сторону диалектического метода познания. Его интересовала психология мифического процесса, а также связь между поэзией личности и творчеством первобытного мифа. В неизданной рецензии на сборник чешских песен «Prostonárodní české písně a říkadla» («Простонародные чешские песни и пословицы») (1864) К.Я. Эрбена (1811–1870) Веселовский отмечал, что одним из признаков мифоло-

гического сознания является синкретизм. «Равность развития предполагает равенство впечатлений» [10, 194] – и это становится *идеальным условием и основанием* для зарождения языка, точнее – закреплением за словом–символом «мифологического движения мысли» [10, 194].

Спустя почти тридцать лет, в работе 1898 г. «Психологический параллелизм и его формы в отражении поэтического стиля» Веселовский эту мысль повторил. «Человек, – писал он, – *усваивает образы внешнего мира в формах своего самосознания*; тем более человек первобытный, не выработавший еще привычки отвлеченного, необразного мышления. <...> Это мирозерцание мы назовем анимистическим; в приложении к поэтическому стилю, и не к нему одному, вернее будет говорить о *параллелизме*. Дело идет не об отождествлении человеческой жизни с природной и не о сравнении, предполагающем сознание раздельности сравниваемых предметов, а о сопоставлении по признаку действия, движения: *дерево хилится, девушка кланяется* – так в малорусской песне» [13, 417].

Важно отметить, что описанная Веселовским в середине XIX в. особенность дологического мышления охватывала структуральную сторону мифа, коррелируя с понятием «партиципация», введенным в науку в XX в. Л. Леви-Брюлем (1857–1939). Под ним он понимал синтетически-нерасчлененное состояние единства коллективного сознания, привязанное к смыслопорождающему действию человека архаического периода, к его конститутивному мировидению, отождествленному с природой.

Еще одно свойство мифа, о котором одним из первых задумался Веселовский, – отбор информации в отсутствии анализа. Эту процедуру он объяснял через узвание одного впечатления в другом при переносе новых ощущений на воспоминания, и позже применил к ней английский термин *суггестивность*. И в данном случае мы находим переключку в XX в., но теперь с ключевым понятием структурной антропологии К. Леви-Стросса (1908–2009) – *бриколажем*: специфическим свойством ми-

фологического мышления выводить новое образное единство из фрагментов старого.

Итак, подведем первые итоги нашего исследования: 1) мифический способ познания мира, согласно Веселовскому, базируется на *созерцании* объекта окружающего мира, с которыми психика человека устанавливала «симпатическую связь» (ср. с кассирерским «сочувственным» взглядом на окружающий мир); 2) обращаясь «исключительно к *внешнему образу* предмета, принимая его за живое *целое*» [10, 194], миф строится на ассоциативных сопоставлениях, они же – психологический параллелизм; 3) поскольку опыт человека был ограничен чувственностью и эмоциональностью, его оценка реальности оказывалась крайне односторонней; 4) впечатления и ассоциации о действительности могли различаться и разнообразиться «соответственно углу зрения или роду впечатления» [14, 50], что и отражалось на образности. К примеру, «охотник видел в грозе бурную охоту, в вихре ему слышался лай собак, молния представлялась стрелой, спущенной с гигантского лука – радуги. Иначе могла сложиться мифическая апперцепция грозы среди рыбаков: молния казалась баснословной рыбой (щукой, дельфином), ее ловят, потому что она поглотила небесный огонь; оттого она и мечется. Пастушьему народу естественно было перенести на гонимые ветром тучи и явления грома образы ревущего, мчащегося стада, как, наоборот, представление молнии как борозды чудесного плуга должно было сложиться на почве земледельческого быта» [15, 135–136]; 5) первичные впечатления и непосредственные знания об окружающем мире, вынесенные в проекцию воображения, произвели «богатство языка и натуралистического мифа» [14, 10].

Как точно подметил И.О. Шайтанов: «Слово – единственный инструмент метафизического постижения, которому он (Веселовский. – Т.Г.) доверяет. Из природы слова вырастает система поэтики» [16, 29]. Такого доверия слово заслуживает у Веселовского не случайно. К тому моменту вопрос о происхождении языка получил доскональную проработку немецких филосо-

фов и лингвистов И.Г. Гамана (1730–1788), И.Г. Гердера (1744–1803), В. Гумбольда (1767–1835), Х. Штейнталя и др. Последний в труде «Der Ursprung der Sprache im Zusammenhang mit den letzten Fragen alles Wissens» («Происхождение языка в связи с последними вопросами всего научного познания») (1851) писал: «Язык – это не готовая “спящая вещь”, а нечто в каждом моменте переживающее свое становление, развитие, происхождение» [17, 5], это то средство, благодаря которому люди могут понимать друг друга и самовыражаться. Следовательно, изучать язык следует, опираясь не только на языкознание, но и на социологию, психологию, историю и искусство.

Такой творческий импульс от Штейнталя одновременно с Веселовским получил и А.А. Потебня (1835–1891). Оба слушали его лекции в Берлинском университете и, как утверждает А.Л. Топорков в монографии «Теория мифа в русской филологической науке XIX века» (1997), поставили перед собой весьма сходные задачи – «создать целостную историю человеческого сознания и словесных форм его выражения» [18, 329]. Однако конечные цели ученых оказались разными: Потебня стремился раскрыть «участие слова в образовании последовательного ряда систем» [19, 155], чтобы построить историческую типологию языков, а Веселовский – историческую поэтику.

Еще до знакомства с лингвистическим психологизмом Штейнталя Веселовский перенял антропологический и историко-психологический взгляд на историю от П.Н. Кудрявцева (1816–1858) – профессора Императорского Московского университета. Развивая психологический и исторический аспекты в своих сравнительно-типологических исследованиях, в конце 1890-х гг. Веселовский представил собственную теорию «эволюции стиля как поэтического приема, свидетельствующего об эволюции поэтического сознания» [20, 265]. Более того, в неизданной им при жизни работе «Определение поэзии» он выступил с идеей, что поэтический акт личности огра-

ничен преданием и, чтобы научиться его распознавать, необходимо хорошо разбираться в особенностях мифологического, символического и аллегорического мировоззрения. Когда эта статья была опубликована В.М. Жирмунским в 1959 г. в журнале «Русская литература», Веселовского очередной раз обвинили в позитивизме. Многие выдающиеся ученые XX в. не смогли оценить уникальность этого суждения, поскольку уже лишили Веселовского его взглядов на миф.

В работе 1868 г. «Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса» он писал, что миф, развиваясь от физиологических начал до закрепощения в слове, сохранял за собой «значение более специальное, живописное, то есть более удерживающее в себе характер первобытного впечатления» [14, 50]. Однако как только человек освоил сравнительную операцию – мифы «сводятся, сличаются, мифы цвета и протяжения, мифы действия и страдания; между ними открывается генетическая связь, связь причин и следствий, пробуждается сознание организма» [14, 50]. Золото перестает казаться только красивым, «в нем объявилось столько разнообразных качеств, что понять их под одним и тем же словом сделалось совершенно невозможным» [10, 196]. Так появляется «первый род эпитетов» [21, 509]. Веселовский назвал их тавтологическими, потому что прилагательное пока еще демонстрировало тождественное значение с существительным.

Похожие процессы охватывают и нарративы. Сказки дикарей, как писал ученый, «не знают ни типических тем, ни строгого плана наших сказок» [22, 540]. Это всего лишь «ряд расплывчато-реальных или фантастических приключений, без органической связи и того костяка, который дает форму целому» [22, 540]. Подобные простейшие повествовательные единицы, «образно ответившие на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения» [22, 542], занимают важное место в коллективной памяти народов и их поэтическом творчестве. Веселовский назвал эти фор-

мулы мотивами и наделил качествами слова – «плода общего синтетического впечатления, всем одинаково общего» [10, 194], идеал которого превращается в символ. Его простейшая фабула, с точки зрения модуса, отличается бессознательно-механической модификацией и способна приобретать новые смыслы в зависимости от конкретной речевой и даже жанровой ситуации.

Итак, остановимся снова для подведения промежуточных итогов: 1) архаическое сознание сменяется историческим, когда человек научился сравнивать; 2) новые представления продолжают реализовываться в старых повествовательных схемах, поэтических формулах, смысловом контексте, ментальных конструкциях словесности, сливаясь «в один цельный миф» [14, 58]; 3) он может модифицироваться, трансформироваться, притягивать к себе разные смыслы, отзываясь на социальные, этические и эстетические идеалы.

Утратив возможность развиваться «из самого себя» [14, 54–55], миф, вследствие «исторического накопления впечатлений» [14, 48] и продолжительного опыта собирания разрозненных черт и ассоциаций, «учился» преодолевать свою однокомпонентность и бесперспективность, сделав своей моделью историю. «Дальнейший шаг по тому же пути, – рассуждал Веселовский, – заменит *связь смежности связью причинности*: дождь не только является после грозы, но вследствие грозы; в грозе проявляется деятельность бога-громовника; гром и молния – его орудия к достижению дождя» [15, 138].

Так как для Веселовского было очевидным, что поэтический язык возник вслед за естественным языком мифа, между ними он разместил дискурс: с культами и обрядами, общественными системами догосударственного и раннегосударственного строя вплоть до «выделения из общей связи новых сословных и политических групп и обособления личности в сфере этих новых формаций» [23, 582], обусловленных новыми экономическими отношениями. Потребность и желание человека согласовать в себе новое понимание жизни Весе-

ловский назвал «новейшей апперцепцией» [15, 125] и предположил, что личное творчество происходит именно из этого психического акта.

Создавая процессуальную модель исторической поэтики, Веселовский отмечал, что идеализация и символизация остаются, но проекцией мифа теперь становится личный опыт, воспоминания, ощущения, воля, страх и т.д., являя «свой особый, более или менее ограниченный мир, во всяком случае, не тождественный с общим, иногда прямо ему противоположный» [15, 125]. Настроенный на самонаблюдение, на анализ своей психики поэт уже не отождествлял себя с природой, а относился к ней с сентиментальным чувством. Он сознательно не желал уподоблять свои мысли преданию, утратившему сакральную силу, и отчуждал себя от него настолько, что начинал раскладывать его в своем сознании на составляющие компоненты и вкладывать в них собственную рефлексю.

В подтверждении этих слов Веселовский сравнил творчество Эсхила и Еврипида, по-разному работающих с материей мифа во время культового празднования Диониса. Первый, отмечал ученый, «еще близок к *эпическому пониманию*, его трилогии обнимают широкие концы эпоса и трагическая вина лежит в целых поколениях, не в отдельных личностях; преступления и кара посылаются божеством и мало обоснованы психически» [15, 125]. У второго – мотив мифа трансформируется в психологическую задачу: «весь интерес отдан конфликту, происходящему в личности, *драма* вырастает из нее, не извне – по велению свыше» [15, 125]. Поэтическая идеализация уходит во внутренний мир *лирики*.

Выход из культа становится моментом зарождения художественных родов, «условия художественности – в *очеловеченном и человеческом содержании мифа*, плодящем духовные интересы, ставящем вопросы нравственного порядка, внутренней борьбы, судьбы и ответственности», – подчеркивал Веселовский [24, 259]. Однако если поставить перед собой цель любое художественное произведение разложить на

составные части и простейшие формулы – все они окажутся «узаконенными в первобытном мифе» [15, 130]. Таким образом, поэт хоть и становится сознательным творцом, свободным в выборе мотивов и приемов, – воплощая свой личный идеал в творчестве, он остается в плену синтетических образов действительности, которые в ту или другую пору существуют в народном сознании. «Они определяют поэта, они законные нормы его творчества, они обязательны для него не только как особый психический вид народного самоопределения в данную пору, но и как результаты целого ряда определений, из которых каждое предыдущее вызвало последующее, обогатив его своим содержанием и, скажем более, обязав его своей формой» [15, 129].

Изучение историко-психологических процессов в мифе привело Веселовского к важному открытию: мотив, утративший свой первоначальный смысл и связь с реальностью, ведет себя как слово, которое в таком случае обзаводится эпитетом-метафорой. То есть происходит не тавтология за счет стереотипного преумножения задач и встреч, а образование новых структурно-семантических связей, ассоциаций, генераций, коллизий и интриг. И это уже не просто комбинация мотивов, это – *сюжет*.

Схематизм сюжета, отмечал Веселовский, – акт сознательный, выбор и распорядок задач и встреч предполагает логические решения автора. «Отправляясь уже не от первичных впечатлений и непосредственного знания, а от богатства объективного знания, которое накопилось в человечестве веками» [14, 10], поэт хоть и *не верит* более в «личную жизнь природы, но он еще продолжает *бессознательно* олицетворять ее, вливая в нее *свою собственную личность*. <...> В этом вся суть *психическо-поэтического акта*» [15, 133].

Поскольку инструментом поэта является вымысел и фантазия, а в своих действиях помимо логики он пользуется интуитивно-чувственными и иррациональными критериями отбора, – мифический процесс, как писал Веселовский, еще далек до своего завершения. «Поэтическая ап-

перцепция – *образная*, в образах отвлекающая жизненную суть явления. Но того же характера и апперцепция мифическая: процесс, совершившийся в голове первобытного человека, создавшего мифы, существенно тождествен с тем, который совершается в голове современного поэта и всякого открытого поэтическим впечатлениям, хотя бы он и не творил самостоятельно» [15, 144]. Миф, «как особая форма субъективного восприятия явлений внешнего и в переносном смысле внутреннего мира» [15, 122], безусловно, принадлежит бессознательной эпохе творчества, но его преемство в «позднейших формах сознательной литературы» [14, 39] вполне законно и, следовательно, должно быть изучено с точки зрения связей, соединяющих между собой «поэзию личности с творчеством первобытного мифа» [15, 124].

Как и миф, творческая фантазия строится на ассоциации впечатлений, считал Веселовский, и чем больше образов поэт способен почерпнуть из своей и коллективной памяти, тем сложнее и разнообразнее будет «приращение» мотивов, тем ярче проявится его индивидуальный талант. В творческом акте эти процессы происходят либо бессознательно – «всецело внезапно, зараз, как будто совершаются помимо нас» [15, 119], либо сознательно – «когда, например, поэту представляется сюжет в общих чертах и дело идет об изображении его в частностях» [15, 119]. Автор передает «впечатления, обусловленные известным раздражением чувств, [они] вызывают в душе другие, с ними сродные из многих накопившихся, и вступают с ними в связь» [15, 118], но поскольку образы не могут быть созданы из ничего – репродуктивную деятельность Веселовский оставлял за мифом, назвав его «источником символов и метафор» [15, 118].

Воссоздавая биографические облики поэтов разных эпох в своих исследованиях о Данте, Петрарке, Боккаччо, Жуковском, ученый убедительно демонстрировал, как каждый из них укладывал свои чувства в типовые формулы: «Лаура, – писал Веселовский, – такой же тип, в котором слились

многие, живые и фантастические Лауры» [25, 259], но «впечатлительность», с какой поэт ее описывал, оказывалась сложнее, чем это было раньше, «аффект стал содержательнее, тоньше, разнообразнее» [25, 259]. Усложнение психики человека приводило миф к его «очеловечиванию»: переживания личного горя и счастья «не укладывались в формы, увековеченные поэтическим преданием» [26, 409], заставляя его трансформироваться и обязывая следующее поколение поэтов считаться с этими «метаморфозами».

Итак, сделаем завершающие выводы: 1) диалектика мифа занимает центральное место в теории академика Веселовского об эволюции поэтического сознания и его отражении в поэтических формах; 2) она вносит «органический порядок в разнообразный и сложный материал народного верования, отражающего мировоззрение, явно нами пережитое и нам полупонятное, – целый ряд мировоззрений, сплетшихся и взаимно осложнившихся в течение веков»

[27, 534–535]; 3) благодаря индуктивному методу познания мифа, Веселовский осуществил важнейшие открытия в области семантики и морфологии художественного текста; 4) будучи убежденным в том, что язык поэзии продолжает пользоваться «образами языка и мифа, их метафорами и символами, но создает по их подобию и новые» [13, 424], Веселовский призывал коллег к каталогизации поэтических средств: мотивов, формул, стилистических приемов, – желая таким образом доказать, что даже «самая капризная завязка современного романа приводится, если присмотреться к ней ближе и разложить ее на составные части, к простейшим формулам, узаконенным в *первобытном мифе*» [15, 130]; 5) в стремлении найти уникальный метод для изучения многослойного по своему составу мифо-поэтического продукта, диалектика мифа, с точки зрения Веселовского, являла собой уникальную верификационную систему, открытую к дальнейшему развитию.

---

1. *Пропт В.Я.* [Комментарий] А.Н. Веселовский. Сравнительная мифология и ее метод // Собрание сочинений Александра Николаевича Веселовского. М.-Л., 1938. Т. XVI. С. 289–294.

2. *Мелетинский Е.М.* Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986.

3. *Костюхин Е.А.* Сказка и миф у Веселовского // Наследие Александра Веселовского: Исследования и материалы / Отв. ред. П.Р. Заборов. СПб., 1992. С. 55–62.

4. *Пащенко М.В.* От составителя // А.Н. Веселовский. Избранное: Легенда о Св. Граале. М.; СПб., 2016.

5. *Лотман Ю.М.* Анализ поэтического текста. Л., 1972.

6. *Фрейдберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.

7. *Шкловский В.* Александр Веселовский – историк и теоретик // Октябрь. 1947. № 12. С. 165–183.

8. *Истрин В.М.* Методологическое значение работ А. Н. Веселовского // Памяти академика Александра Николаевича Веселовского: по случаю десятилетия со дня его смерти. (1906-1916 гг.). Петроград, 1921. С. 13–34.

9. *Веселовский А.Н.* De lupi et canis in mythologia graeca et romana partibus // Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 45. Оп. 1. Ед. хр. 2.

10. *Ровда К.И.* Александр Веселовский. Миф и символ // Русский фольклор. Л., 1979. Т. XIX. С. 186–199.

11. *Говенько Т.В.* Александр Веселовский о мифе: концептуально-методологические аспекты дипломной работы ученого (на материалах из личного архива ученого) // Вестник Костромского университета. 2021. № 3. С. 71–76.

12. *Creuzer G.Fr.* Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen. Leipzig, 1820.
13. *Веселовский А.Н.* Психологический параллелизм и его формы в отражении поэтического стиля // А.Н. Веселовский. Избранное: Историческая поэтика. М., 2006. С. 417–508.
14. *Веселовский А.Н.* Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса (1868) // Собрание сочинений А.Н. Веселовского. М.–Л., 1938. Т. XVI. С. 1–82.
15. *Веселовский А.Н.* Определение поэзии // А.Н. Веселовский. Избранное: Историческая поэтика. М., 2006. С. 81–170.
16. *Шайтанов И.О.* Классическая поэтика неклассической эпохи // А.Н. Веселовский. Избранное: Историческая поэтика. М., 2006. С. 5–50.
17. *Steinthal H.* Der Ursprung der Sprache im Zusammenhang mit den letzten Fragen alles Wissens. Berlin, 1851.
18. *Топорков А.Л.* Теория мифа в русской филологической науке XIX века. М., 1997.
19. *Потебня А.А.* Мысль и язык // Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989. С. 17–200.
20. *Перетц В.И.* Из лекций по методологии истории русской литературы. Киев, 1914.
21. *Веселовский А.Н.* Из истории эпитета (1895) // А.Н. Веселовский. Избранное: Историческая поэтика. М., 2006. С. 509–534.
22. *Веселовский А.Н.* Поэтика сюжетов // А.Н. Веселовский. Избранное: Историческая поэтика. М., 2006. С. 535–652.
23. *Веселовский А.Н.* История или теория романа? (1886) // А.Н. Веселовский. Избранное: На пути к исторической поэтике. М., 2010. С. 577–602.
24. *Веселовский А.Н.* Синкретизм древнейшей поэзии и начала дифференциации поэтических родов (1899) // А.Н. Веселовский. Избранное: Историческая поэтика. М., 2006. С. 173–304.
25. *Веселовский А.Н.* Данте и символическая поэзия католичества // Вестник Европы. 1866. Т. 4. С. 152–209.
26. *Веселовский А.Н.* Язык поэзии и язык прозы // А.Н. Веселовский. Избранное: Историческая поэтика. М., 2006. С. 377–416.
27. *Веселовский А.Н.* Труды этнографически-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной Императорским Русским Географическим Обществом, юго-западный отдел. Материалы и исследования, собранные д. чл. П.П. Чубинским, 7 томов // А.Н. Веселовский. Избранное: Эпические и обрядовые традиции. М., 2013. С. 527–594.

Govenko, Tatyana V. – A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); govenko@mail.ru

DIALECTICS OF A MYTH AS ACADEMICIAN A. VESELOVSKY'S METHOD OF STUDYING EVOLUTION AND GENESIS OF ART FORMS.

Keywords: *A.N. Veselovsky, myth, folklore, symbol, motive, plot, mythopoetics.*

The article analyzes the methodological views on the myth of the outstanding Russian scientist A.N. Veselovsky (1838-1906). Mythological issues became for Veselovsky one of the central in his young years, when he worked on the graduation work, and turned into his lifelong priority. This is evidenced by his research of both theoretical and comparative historical nature about the international folklore, medieval literature and literature of late centuries. By refusing to follow the canons of the "mythological school", the scientist set himself the task of developing a new method of scientific analysis, which allowed to study the evolution and genesis of artistic forms with formal and ideological as well as meaningful points of view.

In this article, we set ourselves the task of collecting judgments of Veselovsky about myth, to evaluate their theoretical potential and prove that the dialectic of myth is that very method, thanks to which he created a unique verification system for explaining historical changes to such a phenomenon as poetry. The most important for our topic is the scholar's diploma work (1857), critical reviews «Notes and doubts about the comparative study of the medieval epic» (1868), «Comparative mythology and its method» (1873), theoretical articles «From the introduction to historical poetics. Questions and Answers» (1894), «From the history of the epithet» (1895), «Psychological parallelism and its form in the reflection of the poetic style» (1898), «Syncretism of ancient poetry and the beginning of differentiation of poetic labor» (1899), including works of Veselovsky unpublished during his lifetime: «Excursions in the Fiction» (1913), «Definition of Poetry» (1959) and others.

REFERENCES

1. Propp, V.Y. [Kommentarii]. A.N. Veselovsky. *Sravnitel'naya mifologiya i ee metod* [Comment: A.N. Veselovsky. Comparative mythology and its method]. *Sobranie sochinenii Aleksandra Nikolayevicha Veselovskogo* [Collected works by Alexander Nikolayevich Veselovsky]. T. XVI. Moscow, Leningrad, Nauka, 1938, pp. 289–294.
2. Meletinsky, Yu.M. *Vvedenie v istoricheskuyu poetiku eposa i romana* [Introduction to the historic poetic of epic and novel]. Moscow, Nauka, 1986. 318 p.
3. Kostyukhin, E.A. *Skazka i mif u Veselovskogo* [Fairy tale and myth in Veselovsky's works]. *Naslediye Aleksandra Veselovskogo: Issledovaniya i materialy* [Legacy of Alexander Veselovsky: Research and materials. Ed. by P.R. Zaborov]. St. Petersburg, Nauka, 1992, pp. 55–62.
4. Paschenko, M.V. *Ot sostavitelya* [From the compiler]. A.N. Veselovsky. *Izbrannoye: Legenda o Sv. Graale* [A.N. Veselovsky. Selected works: Legend of St. Grail]. Moscow–St. Peterburg, Petroglif, 2016. 512 p.
5. Lotman, Yu.M. *Analiz poeticheskogo teksta* [Analysis of poetic text]. Leningrad, Prosveshcheniye, 1972. 274 p.
6. Freydenberg, O.M. *Poetika syuzheta i zhanra* [Poetics of the plot and genre]. Moscow, Labirint, 1997. 448 p.
7. Shklovsky, V. *Aleksandr Veselovsky – istorik i teoretik* [Historian and theorist Alexander Veselovsky]. *Oktyabr'* [October]. 1947, no. 12, pp. 165–183.
8. Istrin, V.M. *Metodologicheskoe znachenie rabot A.N. Veselovskogo* [Methodological significance of A.N. Veselovsky's works]. *Pamyati akademika Aleksandra Nikolayevicha Veselovskogo: po sluchayu desyatiletiya so dnya ego smerti. (1906-1916)*. [In memoriam of academician Alexander Nikolayevich Veselovsky: on the occasion of the decade from the date of his death. (1906-1916)]. Petrograd, Department of Russian Language and Literature of the Russian Academy of Sciences, 1921, pp. 13–34.
9. Veselovsky, A.N. *De lupi et canis in mythologia graeca et romana partibus*. *Rukopisnyi otdel Instituta russkoi literatury RAN* [Manuscript Department of the Institute of Russian Literature of RAS]. Fund 45. Inventory 1. No. 2.
10. Rovda, K.I. *Aleksandr Veselovsky. Mif i simvol* [Alexander Veselovsky. Myth and symbol]. *Russkii folklor* [Russian folklore]. Leningrad, 1979, vol. XIX, pp. 186–199.
11. Govenko, T.V. *Aleksandr Veselovsky o mife: kontseptual'no-metodologicheskie aspekty diplomnoi raboty uchenogo (na materialakh iz lichnogo arkhiva uchenogo)* [Alexander Veselovsky on the myth: conceptual and methodological aspects of the scientist's thesis (based on materials from the scientist's personal archive)]. *Vestnik Kostromskogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma University]. 2021, no. 3, pp. 71–76.
12. Creuzer, G.Fr. *Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen*. Leipzig, 1820. 1008 p.
13. Veselovsky, A.N. *Psikhologicheskii parallelizm i ego formy v otrazhenii poeticheskogo stilya*

[Psychological parallelism and its form in the reflection of the poetic style]. *Veselovsky, A.N. Izbrannoye: Istoricheskaya poetika* [Veselovsky, A.N. Selected works: Historical poetics]. Moscow, ROSSPEN, 2006, pp. 417–508.

14. Veselovsky, A.N. *Zametki i somneniya o sravnitel'nom izuchenii srednevekovogo eposa (1868)* [Notes and doubts on the comparative study of the medieval epic (1868)]. *Sobranie sochinenii A.N. Veselovskogo* [Collected works of A.N. Veselovsky]. Moscow, Leningrad. USSR Academy of Sciences, 1938, vol. 16, pp. 1–82.

15. Veselovsky, A.N. *Opredelenie poezii* [Definition of poetry]. *Veselovsky, A.N. Izbrannoye: Istoricheskaya poetika* [Veselovsky, A.N. Selected works: Historical poetics]. Moscow, ROSSPEN, 2006, pp. 81–170.

16. Shaitanov, I.O. *Klassicheskaya poetika neklassicheskoi epokhi* [Classical poetics of the non-classical era]. *Veselovsky, A.N. Izbrannoye: Istoricheskaya poetika* [Veselovsky, A.N. Selected works: Historical poetics]. Moscow, ROSSPEN, 2006, pp. 5–50. .

17. *Steinthal, H. Der Ursprung der Sprache im Zusammenhang mit den letzten Fragen alles Wissens*. Berlin, 1851, 74 p.

18. Toporkov, A.L. *Teoriya mifa v russkoi filologicheskoi nauke XIX veka* [The theory of myth in the 19th-century Russian philological science]. Moscow, Indrik, 1997. 456 p.

19. Potebnya, A.A. *Mysl' i yazyk* [Thought and language]. *Potebnya, A.A. Slovo i mif*. [Potnya, A.A. Word and myth]. Moscow, Pravda, 1989, pp. 17–200.

20. Peretts, V.I. *Iz lektzii po metodologii istorii russkoi literatury* [From lectures on the methodology of the history of Russian literature]. Kiev, 1914.

21. Veselovsky, A.N. *Iz istorii epiteta (1895)* [From the history of epithet (1895)]. *Veselovsky, A.N. Izbrannoye: Istoricheskaya poetika* [Veselovsky, A.N. Selected works: Historical poetics]. Moscow, ROSSPEN, 2006, pp. 509-534.

22. Veselovsky, A.N. *Poetika syuzhetov* [Poetics of plots]. *Veselovsky, A.N. Izbrannoye: Istoricheskaya poetika* [Veselovsky, A.N. Selected works: Historical poetics]. Moscow, ROSSPEN, 2006, pp. 535-652.

23. Veselovsky, A.N. *Istoriya ili teoriya romana?* [History or theory of the novel?]. *Veselovsky, A.N. Izbrannoye: Istoricheskaya poetika* [Veselovsky, A.N. Selected works: Historical poetics]. Moscow, Avtokniga, 2010, p. 577-602.

24. Veselovsky, A.N. *Sinkretizm drevneyshey poezii i nachala differentsiatsii poeticheskikh rodov (1899)*. [Syncretism of the most ancient poetry and the start of differentiation of poetic genera (1899)]. *Veselovsky, A.N. Izbrannoye: Istoricheskaya poetika* [Veselovsky, A.N. Selected works: Historical poetics]. Moscow, ROSSPEN, 2006, pp. 343–374.

25. Veselovsky, A.N. *Dante i simvolicheskaya poeziya katolichestva* [Dante and symbolical poetry of Catholicism]. *Vestnik Yevropy* [Bulletin of Europe]. 1866, vol. 4, pp. 152-209.

26. Veselovsky, A.N. *Yazyk poezii i yazyk prozy* [Poetry language and prose language]. *Veselovsky, A.N. Izbrannoye: Istoricheskaya poetika*. [Veselovsky, A.N. Selected works: Historical poetics]. Moscow, ROSSPEN, 2006, pp. 377–416.

27. Veselovsky, A.N. *Trudy etnograficheskoi-statisticheskoi ekspeditsii v Zapadno-russkii krai, snaryazhennoi Imperatorskim Russkim Geograficheskim Obshchestvom, yugo-zapadnyi otdel. Materialy i issledovaniya, sobrannyye d. chl. P.P. Chubinskim, 7 tomov* [Proceedings of the ethnographic-statistical expedition to the West-Russian region, equipped by the Imperial Russian Geographic Society, a South-Western department. Materials and research collected by the full member P.P. Chubinsky, 7 volumes]. *A.N. Veselovsky. Izbrannoye: Epicheskie i obryadovye traditsii* [A.N. Veselovsky. Selected works: epic and ritual traditions]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2013, pp. 527–594.